

М И Р З А • Ш А Ф И

Сурска

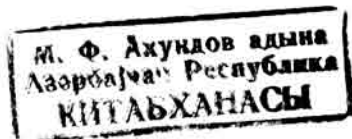
МИРЗА-ШАФИ ВАЗЕХ

Лирика

Перевод

Н. Гребнева и Л. Мальцева

882767-1

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

Переводы под редакцией
В. Левика

Предисловие
Н. Гребнева

Оформление художника
П. Валюса

ПЕСНИ МИРЗЫ-ШАФИ

Шестнадцатого ноября 1852 года в городе Тифлисе умер младший преподаватель тифлисского уездного училища, вечный труженик и неудачник, замечательный азербайджанский поэт. Звали этого человека Мирза-Шафи, Вазех — его псевдоним. Год рождения поэта точно неизвестен. По одним данным это — 1792, по другим — 1804. Мирза-Шафи родился в Гяндже, в здешнем медресе он получил образование и в Гяндже провел большую часть своей жизни, мыкая горе, пробавляясь то секретарствованием в богатом доме, то преподаванием восточных языков и каллиграфии.

С юности Мирза-Шафи слыл вольнодумцем и противником духовенства, чье корыстолюбие, ханжество и фанатизм породили не одно обличительное стихотворение поэта. Его объявляли кафиром, богоотступником, и, естественно, это не облегчало бедному учителю борьбы за существование. В конце сорокового года нужда привела Мирзу-Шафи в Тифлис, где друзья поэта исхлопотали ему место младшего преподавателя — должность, избавлявшую от голода, но не

от нужды; нужда преследовала Вазеха до самой смерти.

Судьба Мирзы-Шафи — типичная по тем временам судьба талантливого человека, который позволял себе быть свободомыслящим и независимым. Насколько обычной была жизнь Мирзы-Шафи, настолько необычна судьба его стихов.

В 1844 году в Тифлис приехал немецкий литератор Фридрих Боденштедт. Будучи ориенталистом, он проявил большой интерес к жизни Кавказа и пожелал брать уроки восточных языков. Так судьба свела его с Мирзой-Шафи.

В своей книге «Тысяча и один день на Востоке» Боденштедт вспоминает:

«Уроки происходили три раза в неделю, и на них присутствовали также другие ученики Мирзы-Шафи. Потом начинался «диван», и Мирза-Шафи, взяв слово, пел, объяснял нам свою песню».

Боденштедт в ту пору был молод и тоже безвестен. Ни он сам, ни кто другой, конечно, не предполагали, что слава Мирзы-Шафи, оставив в безвестности азербайджанского поэта, осенит поэта немецкого, сделав на какое-то время его имя одним из самых популярных в Европе. Но случилось именно так.

В 1847 году Боденштедт возвратился на родину, привезя с собой записи песен своего учителя и его подарок — тетрадь стихов, озаглавленную «Ключ мудрости». По свидетельству Боденштедта «эта тетрадь содержала в себе все мировоззрение нашего учителя».

В 1850 году Боденштедт издает «Тысяча и один день на Востоке». Значительная часть этой объемистой книги посвящена рассказу о Мирзе-Шафи и переводу его стихов. В следующем году выходит книга «Песни Мирзы-Шафи» в переводе Ф. Боденштедта. Успех песен

был необычайным. Книга ежегодно переиздавалась по нескольку раз и была переведена на многие европейские языки.

В 1870 году русский композитор Антон Рубинштейн, живший тогда в Веймаре, написал двенадцать романсов на слова Мирзы-Шафи в немецком переводе Ф. Боденштедта. Романсы вызвали восхищение Листа и других музыкантов того времени. Впоследствии тексты романсов были переведены на русский язык, и один из них — «Персидская песня» — приобрел широкую известность, чему в большой мере способствовало исполнение его Ф. И. Шаляпиным. Однако мало кто знал, что слова этого очень популярного романса принадлежат азербайджанскому поэту Мирзе-Шафи.

Итак, в течение десятилетий Европа проявляла огромный интерес к стихам «мудреца из Гянджи», который умер, по-видимому, так и не успев получить экземпляр книги со своим портретом на обложке, посланный ему в дар бывшим учеником. Небывалый успех песен дал возможность Боденштедту в семидесятых годах издать еще один сборник «Из наследия Мирзы-Шафи» и выступить с неким «разоблачением». Боденштедт объявлял, что более двух десятилетий мистифицировал публику, что хотя человек по имени Мирза-Шафи существовал на самом деле, но «правда в том, что песни Мирзы-Шафи не являются переводами и мне одному обязаны своим существованием». С Боденштедтом не спорили, да и спорить было некому, заявление его приняли за истину, и с этих пор в учебниках литературы и в энциклопедиях о творчестве Мирзы-Шафи писали, как о мистификации Боденштедта.

В последние десятилетия были найдены подлинники стихов Мирзы-Шафи на азербайджанском и пер-

сидском языке. Азербайджанскими учеными написано немало интересных работ, опровергающих версию Боденштедта.

В такой небольшой статье пересказывать доводы, утверждающие авторство Мирзы-Шафи, не имеет смысла. Тех, кто заинтересуется этим вопросом, можно отослать к работам ученых. И прежде всего необходимо назвать две такие работы: А. А. Сеид-Заде, «Мирза-Шафи или Боденштедт?», Баку, 1940, и М. Рафили, «Мирза-Шафи в мировой литературе», Баку, 1958.

Неизвестно, что заставило Боденштедта сделать свое «разоблачительное» заявление: некоторая вольность, допущенная им при переводе, или небывалый успех «Песен», даже малую часть которого Боденштедт не хотел уступить своему бывшему учителю, или же соблазн неопровержимости.

И действительно, Боденштедт сделал свое заявление, когда прах Мирзы-Шафи уже более двадцати лет покоился на тифлисском кладбище. Не осталось в живых и большинства людей, посещавших «диваны» азербайджанского поэта. У Мирзы-Шафи не было родных, которые сочли бы стоящим делом борьбу за авторство песен. Однако, сколь значительна ни была вина Боденштедта перед Мирзой-Шафи, она невелика в сравнении с заслугой перед литературой: до нас дошли пусть не в подлиннике, а в переводе, многие прекрасные его стихи, которых мы бы не узнали, не будь того, что в нынешнем литературоведении носит название «плагиат Боденштедта». К этому следует прибавить, что наиболее обширные сведения о жизни и характере Мирзы-Шафи мы тоже узнаем из книги Боденштедта «Тысяча и один день на Востоке», где Боденштедт, несмотря на некоторую ироничность и

снижательную интонацию повествования, дает очень высокую оценку талантам своего учителя.

♦ Чтобы яснее представить себе мировоззрение Мирзы-Шафи и тот конфликт с действительностью, в который он ежечасно вступал, следует привести свидетельства другого великого азербайджанца — Мирзы-Фатали Ахундова. В своей «Автобиографии» Мирза-Фатали Ахундов вспоминает:

«В одной из келий гянджинского медресе жил человек по имени Мирза-Шафи — уроженец этого края, который, в дополнение к своим обширным познаниям в различных областях наук, очень хорошо писал и почерком насталик. Это тот самый Мирза-Шафи, приключения которого и выдающиеся способности описаны в Германии.

Я по велению моего второго отца каждый день ходил к этому человеку и под его руководством упражнялся в писании почерком насталик. Но с течением времени между мною и этим уважаемым человеком возникли близость и откровенность. Однажды этот уважаемый человек спросил меня:

— Мирза-Фатали, какую ты цель преследуешь этой своей учебой?

Я ответил:

— Хочу быть духовным лицом.

Он сказал:

— И ты хочешь быть таким же лицемером и шарлатаном?

Я был крайне удивлен. Что за слова?

Мирза-Шафи посмотрел на меня глазами, полными сожаления, и сказал:

— Мирза-Фатали, не калечь свою жизнь в среде этой презренной касты. Возьмись за какое-нибудь другое дело.

И когда я спросил о причинах его ненависти к духовным лицам, он начал открывать передо мной такие обстоятельства, которые до того были совершенно неизвестны мне. До возвращения моего второго отца из Мекки Мирза-Шафи познакомил меня со всеми вопросами истинного просвещения, как бы сняв с моих глаз шоры. Я принялся с одобрения моего второго отца за изучение русского языка».

* Вероятно, Мирза-Шафи был очень скромным, безгранично доверчивым человеком, неуверенным в себе, не заботящимся о собственном благе. С точки зрения общепринятых норм Мирзу-Шафи можно считать неудачником. И действительно, в чем он преуспел? Богатство? Он жил и умер бедняком! Карьера? Но, при всей своей необыкновенной для того времени учености, место младшего преподавателя было пределом, которого он достиг. Неудачной была личная жизнь поэта. Его любовь терпела крушения то из-за сословных преград, то из-за религиозных предрассудков. Не увидел Мирза-Шафи изданной хрестоматии по родному языку и литературе, хоть он отдал работе над нею много лет своей жизни, и, наконец, в поэзии все, что сохранилось от Мирзы-Шафи, сохранилось буквально чудом.

Но если в жизни поэт был бессилён перед миром, где властвовали богатство, тупость и фанатизм, то в песнях Мирза-Шафи был во всеоружии. Противопоставляя свою позицию господствовавшему мусульманскому ханству, поэт порою принимал позу гуляки и повесы, которая сама по себе уже была вызовом.

Учитель мой — Хафиз,
Мой храм — питейный дом,—

говорит Мирза-Шафи, хотя в жизни храмом поэта был не питейный дом, а тот же Хафиз — то есть поэт.

зия. К ней он относился как фанатик к своей религии. Но если верующий, молясь богу, ждет поблажек в этой жизни и блаженства в той, Мирза-Шафи от своего бога не ждал ни льгот, ни наград. Он, по свидетельству того же Боденштедта, редко записывал стихи, а если и записывал, то легко отдавал записи друзьям, как это было с тетрадью «Ключ мудрости». По-видимому, поэт никогда не стремился к публикации своих стихов. Он пел бескорыстно, как поют птицы, пел, потому что не мог не петь.

Часть стихов, вошедших в эту книгу, переведена с найденных подлинников, азербайджанских и персидских. Большая часть книги переведена с немецких текстов Боденштедта.

Вообще переводчика стихов можно уподобить строителю, перед которым стоит странная и нелегкая задача — разрушить некое здание, чтоб из его обломков построить на новом месте другое, как можно более сходное с разрушенным. Переводчики данной книги попали еще в более сложное положение. Им надо было разрушить уже восстановленное здание, чтоб из его обломков воссоздать другое, сходное с первоначальным, которого они никогда не видели и о котором могут судить лишь по не совсем точной копии.

Мирза-Шафи читал и пел своему ученику не только свои стихи, но и стихи других, как современных ему поэтов, так и предшественников. Некоторые из этих стихов Боденштедт перевел и, приписав Мирзе-Шафи, поместил в книгах его песен.

В сборниках, переведенных Боденштедтом, есть стихи, чье авторство не выяснено, но о которых, зная философскую и нравственную концепцию Мирзы-Шафи, можно с уверенностью сказать, что они не принадлежат «мудрецу из Гянджи».

Перед переводчиками этой книги, на мой взгляд, было два пути: или держаться как можно ближе к Боденштедту, исходя из предпосылки, что он точно передал подлинник, или же попытаться отделить истинного Мирзу-Шафи от того, что ему приписано, попытаться восстановить восточную форму стихов Мирзы-Шафи, которую иногда Боденштедт явно нарушал. В создании этой книги на русском языке участвовали два переводчика, и каждый избрал для себя один из этих двух возможных и правомерных путей. Л. М. Мальцев более близок к Боденштедту; я старался в большей мере «восстановить» Мирзу-Шафи.

Несмотря на наличие обширной литературы о Мирзе-Шафи, творчество его изучено не досконально. Возможно, переводчиками допущены неточности, они будут устранены при дальнейших исследованиях, при изучении неизвестных пока что подлинников, оставленных замечательным азербайджанским поэтом.

Н. Гребнев

И з песен остается на века
Скорее песня та, что коротка.

Порой навечно людям остается
Короткая, но мудрая строка.

В коротком слове мудрость к нам пробьется,
Хоть век назад слетела с языка.

Речь громкая умом порой не блещет,
Речь тихая бывает речью вещей.
Вращается неслышно круг судьбы,
А колесо арбы гремит, скрежещет.

Приветствовали вы мои сужденья,
Когда я пел: «Презри ханжей презренья,

Пред сильным мира оставайся смел,
От слабого не требуй униженья!»

Когда же сам я начал жить, как пел,
Мое вы осмеяли поведенье!

Слышал я, что люди говорят:
«Кто правдив, тот должен быть крылат,
Смертным смертные на белом свете
Все простят, а правды не простят!»

Люди говорили: «Правда жжет,
И того, кто никогда не лжет,
Пусть скакун, готовый в путь-дорогу,
У ворот в любое время ждет».

Я людей пугливых не виню,
Говоривших мне сто раз на дню:
«Тот, кто в жизни лгать не научился,
Пусть живет, закованный в броню!»

Что поделать, нету у меня
Ни брони, ни крыльев, ни коня,
У меня есть только слово правды —
Мой скакун, и крылья, и броня!

Если ты умен, иди к глупцам,
Если зрячий ты, иди к слепцам,
К зрячим не найдет слепец дорогу,
К мудрым глупый не приходит сам.

Даже вы, достигшие высот,^{*}
Знайте и примите то в расчет,
Что и солнце в небе не гордится,
А земле свои лучи несет.

Брань и хула людская — все ничтожно.
Пройдите мимо, помните, друзья,
Что ни хулой, ни бранью невозможно
То осквернить, что осквернить нельзя.

Грешит нередко мудрость простотой
И слепо тянется за красотой,
И красота порой совета мудрых
Не слышит в простоте своей святой.

Уж лучше пусть не обретут признанья
Ни доброта твоя, ни дарованья,
Чем жить оваянным почетом ложным,
Пред миром слыть большим, но быть
ничтожным.

У каждого из нас своя земная
Пусть маленькая радость, пусть большая,
И даже тот, кто знает: счастья нет,
Находит счастье, это утверждая.

В потоке бурном, что ревет и злится,
Дневное солнце пляшет и дробится.

В спокойных водах, где волненья нет,
Неискаженно солнце отразится.

Так в юном сердце слово и совет
Не может, преломясь, не исказиться.

Но поостынет сердце; много лет
Прошелестят крылами, словно птицы,

И лишь тогда в него познания свет
Неискаженно сможет зарониться.

Как надо жить: счастливо или честно?
Добро от счастья отделяет бездна.
Не многие из нас находят мост,
Иные гибнут на тропе отвесной.

Сложна дорога жизни, но она
На лицах наших запечатлена.

Вот здесь любовь морщину начертала,
А рядом с нею ненависть видна.

На лицах ясно доброе начало,
И злая сущность тоже нам ясна.

И все ж мы друг о друге знаем мало:
Не каждый разбирает письменна.

Один глупец, постигший все науки,
Сказал, что человек рожден для муки.

И это повторили все глупцы,
А у глупцов есть сыновья и внуки.

И стала жизнь проклятием для всех,
Хоть помирай не с горя, так со скуки.

И удлинились уши у людей,
Взгляд потускнел и опустились руки.

Что ты ни говори, но рушить смысла нет
Сто хижин, чтоб один построить минарет.

Поднимет ветер пыль и до небес взметет,
Но разве можно пыль возвысить до высот?
А между тем алмаз лежит, покрытый пылью,
И все же он алмаз,— возьми, и он блеснет.

Благоразумный важен и учен,
Он для полета в небо не рожден.

Ему хватает собственного блага,
Он собственным величием упоен.

А вот мудрец не может сделать шага,
Не преступив какой-нибудь закон.

Благоразумный — не умен, бедняга,
Мудрец благоразумьем обделен.

Иным из нас богатство и почет
В наследство навсегда судьба дает.

Чужая слава к сыну приживется,
Богатство, может, впрок ему пойдет.

Мы принимаем то, что достается,
Готовым без усилий и хлопот.

И только счастье не передается,
И только то, за что прольется пот,

Для человека счастьем обернется
И почести и радость принесет.

Так песни пой, как будто день далек,
В который смерть твоих коснется щек.
Но так живи, но так люби, как будто
Смерть переступит нынче твой порог.

— Тебя опять обманывают, брат! —
Участливо мне люди говорят.

— Что делать, люди, — я им отвечаю, —
Пока на свете фальшь и ложь царят,

Чем самому обманывать кого-то,
Не лучше ль быть обманутым стократ?

К нам не извне приходит озаренье —
Внутри себя храним мы свет прозренья.

Взгляни на мир: свое тепло несет
Одно и то же солнце всем в даренье.

Но от его лучей пустыня мрет,
И сад цветет с его благословенья.

В том, что само несет бесплодья лед,
Ничто извне не вызовет цветенья.

На тропках счастья, на дорогах бед,
Где ни шагнешь, останется твой след.

Останется твой след воспоминаньем,
И вновь когда-нибудь всплывет на свет.

Всплывет уликой или оправданьем
На том суде, где всем держать ответ.

Жизнь — это поле, где цветут печали,
И мы давно от этого устали.

Не добр всевышний к своему рабу,
И жалобы помогут нам едва ли.

Нет счастья, не надейся на судьбу,
Счастливицы те, что горя избежали.

Зачем же к небу обращать мольбу,
Боль прославлять и вписывать в скрижали?

Вступай с земными бедами в борьбу,
Пока они тебя не доконали.

Минует все: и радости и страсти,
Ушедшее вернуть не в нашей власти.
Но если прошлое нам возвратят,
Былое счастье вновь не станет счастьем.

Мы в суете, как бы гонясь за тенью,
Спешим от наслажденья к наслажденью.
Но наступает время отрезвленья,
Когда и в наслажденье нет забвенья.

Над миром глупость властвует, и это
Для всех столетий общая примета.

С ней не воюет ни один закон,
Хоть в рубище, хоть в шелк она одета.

Но в мир, где правит глупость, как судьбу
Порою посылает бог поэта.

Не только для того, чтобы он пел,
Как птица на ветвях в разгаре лета,

Но чтобы в царстве глупости и тьмы
Он был носителем ума и света.

Счастливец тот из нас, прошедший испытанья,
Кто может в смертный час промолвить на прощанье
Что тяжелей вины понес он наказание
И больше сам страдал, чем причинял страданье.

То, что скажу я, может, и не ново,
Счастливым хочешь быть — начни с простого:
Не говори, когда пора молчать,
И не молчи, коль надо молвить слово.

Где гнев кончался, там, бывало,
Раскаянье брало начало.

Плывут миры, уходят в никуда
Дорогою, что, словно мир, седа.

И люди шествуют под сводом млечным
К могиле сквозь невзгоды и года.

Цветы цветут красой недолговечной,
Чтобы увясть, исчезнуть без следа.

И радость многих божьих подопечных
Одновременно для других — беда.

Земная жизнь, ее закон извечный
Привел бы нас к безумию тогда,

Когда бы этот мир бесчеловечный
Любовь не озаряла б иногда.

Твердит хулитель, злостью обуян:
Нет равенства: там солнце, здесь туман.

То — совершенно в мире, то — ничтожно,
И это основной его изъян.

И впрямь с орлом не сходен жук навозный,
Не сходен с певчей птицей таракан,

Большое с малым, сложное с несложным,
И с карликом не сходен великан.

Давайте исправлять, пока не поздно,
Несовершенный мир, что богом дан.

Чтоб низвести хребты в снегах морозных
До уровня оврагов и полян.

Чтоб стал алмаз булыжником дорожным,
Тюльпан — крапивой, мудрецом — болван.

Быстрее сравняйте все, что только можно:
Пусть превратится в лужу океан.

Я погляжу, чем станет мир подзвездный,
Когда осуществится этот план.

С блестящей скорлупой жемчужина слилась,
Как тело и душа, но не прочна их связь.
Блеснет жемчужина лишь ей присущим светом,
От скорлупы своей на век освободясь.

Я знаю уверения пророка,
Что существует рай, хоть и далеко.

Что пребывать там всем, кто жил, не знав
Здесь на земле соблазна и порока.

Но может статья, что пророк не прав
Иль мы не поняли его урока.

И счастья в мире так и не познав,
Погубим жизнь, и в том не будет прока:

Не обретем мы рая, потеряв
Жизнь, прожитую во мгновенье ока.

Я не согласен, не таков мой нрав,
Быть праведным я не даю зарока.

К устам любимой и к вину припав,
Возьму свое до рокового срока.

Не слушай злой молвы, не повторяй дурного.
Судьба ко всем, увы, и без того сурова.
И счастье создается с трудом,
А рушится легко — от пустяка, от слова.

Скорей печали, нежели венец
Посредством знания обретет мудрец.
Недаром с завистью порой глядит он,
Как радостен в неведение глупец.

Изрек один мудрец, седой старик:
— Три правила на свете я постиг.

Во-первых, не рассчитывай на дружбу
Ни богатеев, ни земных владык.

Во всем, что дел касается серьезных,
Не доверяйся женам ни на миг.

И, полагая, что берешь для пробы,
Себе не капай яда на язык.

Те добрые деянья хороши,
Что рождены движением души.

Но то добро, что страхом рождено,
Приветствовать должны мы все равно.

Что порождает добрые деянья,
Не может быть предметом порицанья.

Не доверяй любовь словам своим,
Мы ими никого не убедим.
Любовь мужчин не терпит многословья,
Чем ярче пламя — тем прозрачней дым.

Тот не любил, кто размерял свой пыл,
Не выбивался из последних сил.
Тех далеко любовь не уводила,
Кто далеко в любви не заходил.

Вот голова твоя, мой друг,
А вот твоя рука!
Но как от головы до рук
Дорога далека!

Я видел город, город был велик.
Там люди жили, злые на язык.

Они всегда друг друга поносили,
Там и юнец бранился и старик.

В том городе кричали и вопили
И чудно жили под всеобщий крик.

КИПАРИС

О, дерево свободы, кипарис!
Он смотрит вверх, лишь тень бросает вниз.

Он сохраняет внешний свой наряд
Зимой, когда листву теряет сад.

Его ветвей ничто к земле не гнет:
Ни суховеи, ни тяжелый плод.

Он дарит отрешенность и покой,
Нас уводя от суеты мирской.

Под сенью кипарисов нам дано
В то верить, в чем изверились давно.

Слепые черви глубоко под ним,
Седые звезды высоко над ним.

Одни из нас твердят, что бытие нетленно,
Другие говорят, что все земное бренно,
А ты выслушивай сужденья тех и тех
И знай, что каждый прав, но прав не совершен

Сперва блистает молния во мгле,
Потом — пожар, потом — земля в золе.
И так оно всегда: по воле неба
Все беды, все печали на земле.

От сотворенья так уж повелось—
В стихах и в жизни все дороги врозь.
Кто в вышину, кто в глубину стремится,
Но большинство сворачивает вкось.

Увы, проходит жизнь, что нам дана,
Прошедшего никто вернуть не может,
Пусть будет пред тобою цель ясна.
В том, что рожден ты, не твоя вина,
Твоя вина, что век напрасно прожит.

От колыбелей до могильных плит —
Нам путь один-единственный открыт,
Различье наше в том, как мы пройдем
То, что за жизнь пройти нам предстоит.

Людей незаменимых нет, и все же
Мы заменить ушедшего не можем:

Тот, кто неповторим, незаменим,
А в мире нет людей во всем похожих.

Пусть не считался другом он твоим,
Пусть не был всех красивей и дороже,

Пусть не был он особенно любим,
Пусть жизнь свою он незаметно прожил,

Но ты еще поймешь, расставшись с ним,
Как без него пустынно в мире божьем!

Мы любим аромат пчелиных сот
И запах сада, если сад цветет,

Нас одаря радостью, как слово,
Которым славят человеческий род.

Но места избегаем мы такого,
Где слышен запах тленья и болот,

Что сходен с речью человека злого,
Который всех поносит и клянет.

Ты от бездельника не жди услуг:
Ему с тобой возиться недосуг.
Зато тебе всегда поможет друг,
Что трудится, не покладая рук.

Что ни пошлет беда, что ни пошлет удача,
Приемли в жизни все, то радуясь, то плача.
И если счастье сам ты взять себе не мог,
Его не смогут дать ни царь земной, ни бог.

— Мирза-Шафи, что от тебя хотят?
Тебя то превозносят, то хулят.

На это я ответил: «Что поделать,
Пусть обо мне дурное говорят,

Ничтожеству хулящих нет предела,
Но в слове лицемера горше яд.

Клеветники пускают робко стрелы,
И мимо цели стрелы их летят,

А лицемеры слово лести смело
Пусть мне прямо в сердце норвят!»

На звезды мы глядим в полночный час,
А солнце в полдень ослепляет нас,
Так темень лжи, что радость нам приносит
Приятнее, чем правда без прикрас.

Когда любовь я пел, за мною шла
Не ваша ли стоустая хвала?

Когда я сам вкусил земную радость,
Чтоб скрасить жизнь, в которой столько зла,

Не вы ль мне позавидовали тотчас,
И потекла за мною вслед хула.

Мирза-Шафи, стой выше лицемерья
И сам не будь ханжою, как мулла.

Любви будь предан и вину будь верен,
Что в этом мире лучше их тепла?

Однажды говорил чертополох:
— Вы бесполезны, лилии и розы,
А мы приносим пользу, видит бог,
Нас пожирают и ослы и козы.

Гусь говорил: — Послушай, соловей,
Как неразумно забавляться песней,
Кому ты нужен с песнею своей,
Вот мы жирны, и этим всех полезней!

Поэту говорили дураки:
— Какая польза нам от песнопенья?
А у тебя ведь тоже две руки,
Возьмись за дело, покажи уменье.

...И мне из песен пользы не извлечь,
Велик ли прок, что, плача и тоскуя,
Всю жизнь я песню превращаю в речь
И превращаю в песню речь людскую?

Великий дар небес — моя работа.
Не знает счастья, кто не пролил пота.

Ты в горе утешенье мне даешь,
Ты — золото, а счастье — позолота.

И надо быть ленивцем и глупцом,
Чтоб от тебя бежать, искать чего-то.

Ты все: и посох мой, и путь прямой,
С пути сверну́ я — засосет болото.

Быть до могилы преданным тебе —
Вот на земле одна моя забота.

Я к свету шел, и путь мой был тяжел,
Но тьму ночную все ж я поборол.
Я через правду к песням приобщился,
Я через песню истину нашел.

Талант поэта — дар небес нетленный —
От неба к сердцу путь благословенный.

Жизнь — это поле, ты на нем цветок,
Ты озаряешь светом тьму вселенной.

Ты укрепляешь радость, лечишь боль.
Ты вечности крупница в жизни брэнной.

— О соловей, что ж песня отзвучала,
Что ж не поешь теперь ты, как бывало?

Ответил соловей: «Я песню пел,
Пока мне горе грудь переполняло,

Но расцвели цветы, и я обрел
Все то, чего мне раньше не хватало.

В саду шуршат листы, цветут цветы,
Ушла печаль, и песнь моя пропала!»

И солнце, нам дающее тепло,
И море, что к ногам моим легло.

Благоуханье роз, дыханье сада,
Когда весной в садах белым-бело.

И то, что к небесам с земли восходит
И что с небес на землю снизошло, —

Все у меня в душе переродилось
И жизнь вторую в песне обрело.

Красу не оценить
Неискушенным глазом.
Алмазы отгранить
Возможно лишь алмазом.

Я молод был и думал, как ни странно,
Что все на этом свете постоянно.

Но время шло, и я определил,
Что убеждение мое обманно.

Менялось все: я что-то находил,
Чего-нибудь лишался непрестанно.

Но снова мир меня разубедил,
И понял я: как жизнь ни многогранна,

Здесь, в царстве колыбелей и могил,
Изменчивость от века постоянна.

Мирза-Шафи, трудолюбивый шмель,
Ты улетаешь за тридцать земель.
Ты собирал нектар, в себя вбирая
И сладкий хмель цветов, и горький хмель.

Мирза-Шафи, довольно, видит бог,
Взлетев с цветка, искать другой цветок.
Лети назад, пусть сладкий хмель и горький
Переродится в хмель медовых строк.

Прекрасное нам даром не дают,
Во всякой красоте борьба и труд.

Венков готовых нам земля не дарит —
Из сорванных цветов венки плетут.

Алмаз и тот готовым не находят:
Его, найдя, гранят, шлифуют, трут!

Бог создал солнце, всем краям земным
Дал сколько надо холода и зноя,
Бог создал розы и назначил им
В садах земных благоухать весною.

Воздвиг хребты, чтоб больше ничего
Не возвышалось на земле земное,
Не наделив душой то, что мертво,
Он одарил душою все живое.

Дал птицам крылья, чтобы ввысь лететь,
И морю волны, чтоб стремиться к суше.
Бог дал мне голос, чтобы песни петь,
И уши вам, чтоб эти песни слушать.

Для песен — рифмы сладкое звучанье,
Как для кокетки складки одеянья.
Ни рифмой, ни одеждой не прикрыть
Уродство или скудость содержания.

Звучание и звон колоколов
Зависит от того,
Какая медь.
Звучанье в песне заключенных сло
Зависит от того,
Кому их петь!

Никто не знает, где родится чудо.
Как появились крылья у орла.
Явилась песня первая откуда,
Откуда первая любовь пришла.

Хоть уплывешь за тридевять морей,
Хоть никогда не отомкнешь дверей,
Ты все равно отмечен будешь веком,
Как медяки портретами царей.

Слыть праведными нет у нас причины,
В каком-нибудь грехе мы все повинны.

Кто, в грех впадая, сам себе вредит,
Свой искупает грех наполовину.

Тот страшен, кто во зло другим грешит,
Щадит себя, другому целя в спину.

Вот что сказал один мудрец когда-то:
— Иным из нас без веры страшновато.

Пусть верует несильный человек,
Чье сердце только верою богато.

Пусть вера будет крепостью для тех,
Кто с крепости не целит в сердце брата.

Но зло во имя веры — тоже грех,
А потому расплатою чревато.

Лишь доброта приносит нам успех,
Что зло родит, то не бывает свято.

Считает лишь дурак или злодей,
Что горе совершенствует людей.

Такое мненье сходно с заблуждением,
Что старый нож от ржавчины острей,

Что от дождей в ненастный день осенний
Вода в потоке чище и светлей.

Лучше вина без кувшина,
Чем кувшины без вина,
Лучше зёрна без мякины,
Чем мякина без зерна.

Лучше деньги без кармана,
Нежели карман пустой.
Лучше и не брать кальяна,
Чем сосать кальян пустой.

По кладбищу мы как-то шли впотьмах —
Лежала мгла на плитах и холмах.

Вот новое надгробье в лунном свете,
Здесь богача лежит смиренный прах.

Сказал мой спутник: «Был богач бездетен
И так всегда радел о бедняках,

Что все богатой завещал мечети,
Когда его призвал к себе аллах».

В один из дней очередной закон
Иранским шахом был провозглашен.

Я видел, как страна пришла в движенье,
Как был народ Ирана потрясен.

Гул одобренья, шепот умиленья
По городу неслись со всех сторон.

Мирза-Шафи, в своем уединеньи
Я был не меньше персов удивлен.

«Ужели, — думал я в недоуменье, —
Иранский шах настолько неумен,

Что подданных ввергает в изумленье
Закон, когда он разумом рожден».

Поговорить собрались знатоки,
Весь день не унимались языки.

Средь мудрецов, согласно повеленью,
Сидел и я желанью вопреки.

Но вот сказали мне: «Свое сужденье
О том, что ты услышал, изреки!»

Сказал я: «Слышу мельницы движенье,
Шум вала и течения реки.

Мне видно жерновов круговращенье,
Одно обидно: не видать муки!»

В укромном месте, где бывать грешно,
Муллу мне встретить было суждено.

— Мирза-Шафи, — узнал меня святоша, —
Тебя в мечети не видать давно!

— Не то что там муллу мне видеть тошно,
Но даже здесь, где можно пить вино.

Хоть правду говорить небезопасно,
Мирза-Шафи, ты правдой дорожи —
Не путай света истины прекрасной
С блуждающим огнем в болоте лжи.

Узором фраз бездумных и нарядных
Ты истину скрой тонко и умно,
Так под убором листьев виноградных
Скрывается искристое вино.

Тот, кто к людям добр и нежен,
За добро добра не ждет,
Злой ли, добрый, — неизбежно,
Что посеет — то пожнет.

Сея зло от благочестья,
Вечной славы ждут себе,
Но за злобу зерна мести
Прорастают в их судьбе.

Немудрых мудрецов не перечислить.
Они торгуют пищей для ума,
Чужие, пережеванные мысли
Суют в свои трактаты и тома.

Но в том, что глупость в мире беспредельна,
Я вижу мудрость высшую творца:
Чем гуще фальшь, тем ярче неподдельный
Огонь священный в слове мудреца.

Склонись перед могущественной силой,
Которая тебя так много раз
К невидимым высотам возносила,
Давая свой таинственный наказ.

Тобой тогда Прекрасное вершилось —
Как будто дух высокий мастерства
Тебе на предуказанной вершине
Предуготовил мысли и слова.

Но Он, дарами щедро осыпая,
Тебя казнить страданием умел,
Когда ты забывался, преступая
Прекрасного невидимый предел.

Кто Высшим Духом творчества ни разу,
Как раб, наказан не был за грехи,
Тот лаврами по высшему приказу
Не может быть увенчан за стихи.

От мысли весомой — легкость остроты;
Легкость стиха — от тяжелой работы.

Среди глупцов блеснув умом,
Прослыл я первым дураком;
Но, притворясь глупцов глупей,
Я стал умнейшим из людей.

— Мирза-Шафи, в чем тайна мастерства?
Чем заслужил ты и почет и славу?

— Умел я мысли вкладывать в слова,
Как драгоценность в должную оправу.

Богатством слов меня дурманил мир,
Но, истинное отличая сразу, ,
Издавека, как зоркий ювелир,
Я радовался чистому алмазу.

Стараясь ладить с богом, лицемеры
Святыни охраняют от обид;
Но кто казнит людей во имя веры,
Тот бога своего не пощадит.

Общанный рай в наши души вложили,
Как меч благочестия в ножны бойца,
Но злобой, убийством и распрями жили —
И верой в награду кормили сердца.

Под гибельным страхом давались обеты,
Греховные души спасались огнем,
И верилось людям — в награду за это
Ждут вечные радости в мире ином.

А я заклинаю: подальше от бога
Ты в поисках рая себя приготовь —
И к сердцу от сердца земную дорогу
Проложит к блаженству простая любовь.

Земля от собственных щедрот
Живет, не убывая;
Творят счастливые добро,
В убытке не бывая.

Мы с Вечностью знакомы понаслышке,
Нам чужды на земле ее черты,
Но мы спешим, живем без передышки,
Стараемся быть с Временем на «ты».

А время не желает торопиться, —
Все раздарив, оно в последний час
Учтиво перед смертью сторонится
И в вечность перебрасывает нас.

А что за этой гранью встретят люди?
С добром иль злом их эта вечность ждет?
Вопрос такой всегда надежду будит,
А истина свой голос подает:

Ты, разум ходу времени доверив,
По-новому цени поставленный предел,
Где полноту всей жизни без потери
Тяют плоды всех помыслов и дел.

Без надежд на примиренье
Непрерывны столкновенья
вечных сил добра и зла.

Злоба, ненависть и беды
Часто празднуют победу,
если мощь добра мала.

Но надейтесь и поверьте —
Мощь добра в его бессмертье,
утверждающем дела.

Так же злоба в сорных травах
Красоты бессмертной права
у цветов не отняла.

Заемной мудростью владыка жить привык;
Мудрец обходится без милости владык.

Стремясь к свету те, кто видит свет;
Невидящим дороги к свету нет.

Прежде чем за дело браться,
Надо с силами собраться.

Сил не трать на пробу счастья,
Для полдела — пожалей,
Не срами их безучастьем
В добром деле для людей.

Мирза-Шафи сказал однажды
Своим друзьям под Новый год:
— По вечерам ложится каждый
И каждый поутру встает.
Мы надеваем утром платье
Не для того ль, чтоб ночью снять?
Но если б все мог так же знать я
И на года все предсказать —
Тогда я счел бы самым мудрым
Лечь и не встать однажды утром.

Иной живет, стремясь красиво мыслить,
Другой вершит красивые дела;
Но можно к лику Красоты причислить
Лишь то, что к цели Истина вела.

Будь трижды проклят черный час, когда
Приходит в дом жестокая нужда.

Все лучшее и в душах и в умах
Она уничтожает без следа.

Пред мудростью, придавленной нуждой,
Ликует глупость, сытостью горда.

И даже неподкупный, гордый ум
За крохи продается без стыда.

Так жажда жить и цепкая нужда
Уводят слабовольных в никуда.

В поэзии, свирепствуя, она
Вершит свою расправу без суда.

Унизив тех, кто низость презирал,
Презренными их делает беда.

Но до тех пор, пока есть в жилах кровь,
Отвага не сдастся никогда.

И мудрость не заставят погнусть
Ни рублище, ни жалкая бурда.

Поэты бьются с грозной нищетой
Упорством вдохновенного труда.

У соловьев и роз нам кой-чему
Полезно поучиться иногда.

Растет прекрасна роза и чиста,
Хотя черна подчас ее гряда.

Поет прекрасно песни соловей,
Хоть грязный червь подчас его еда.

Страшнее боли нет, той боли, что жива,
Когда горит слеза, но умерли слова.

Едва пробившийся на свет —
Уже стремительно упорный —
Путем свободы и побед
Летит родник высокогорный.

Внизу свой путь второй родник
Пробил медлительной работой;
Неслышно, тускло он возник
И канул в тихое болото.

Два родника — два близнеца,
В правах равны перед природой,
Родились волею творца
Как сын и пасынок свободы.

Кто счастье пить по капле рад,
Тот счастьем длительно богат.
Кто обжирался им сверх сыта,
Кто брал от жизни все, что мог,
Тот у разбитого корыта
Стоит угрюм и одинок.

Снова песни любви зазвенели на празднике нашем,
И звенят над столом искрометные полные чаши.

Наша радость взошла, словно солнце ночное, для нас,
Свет печаль разогнал, и отныне туман нам не страшен.

Словно розы в росе, наши алые губы в вине,
Новизной засверкав, старый мир красотою украшен.

Где вино и любовь, там светильники ярче горят,
Будто вспыхнул алмаз, и на гранях созвездия пляшут.

Этой власти огня, как любви, покоряются все,
Даже тот, кто во всем, как юнец, невпопад бесшабашен.

То — поэзии власть; то Мирза-Шафи светоч зажег,
И горит этот свет — он поныне никем не погашен!

Это вечный восторг, это мудрость и снег седины,
Это чудо весны, это щедрость возделанных пашен.

Случайно как-то повстречав меня,
Спросил ученый каллиграф меня:

— Мирза-Шафи почтенный, дай ответ,
Умен ли наш правитель или нет?

— По-мосму, — ответил я ему, —
Ум шаха нашего под стать уму
Бесчисленных людей святого званья,
Носящих белоснежную чалму.

Понявшие давно, как глуп и слеп
Народ, что потом добывает хлеб,
Они нас держат под своей пятою —
Правители, вершители судеб.

ВЕЛИКОМУ ВИЗИРЮ

Визирь великий, не гляди надменно,
Не ты, а власть твоя страшна, хоть тленна.

В душе и те смеются над тобой,
Кто пасть готов и преклонить колена.

Ты в звездах и в одежде дорогой
Себя проносишь гордо и степенно.

Но все, чем приукрашен облик твой,
Позорно и смешно скорей, чем ценно.

Как ты, визирь, гордишься сам собой,
Сопровождая шаха неизменно.

При единице ноль и тот большой,
А без нее ничтожен совершенно.

В одной большой стране
Я был в чести большой,
Со мной, — казалось мне, —
Шах не кривил душой.

Владыке надоел
Подобострастья хмель,
Он правды захотел,
Той, что не знал досель.

Он это объяснил,
Как слабый человек,
И душу я раскрыл,
Что думал, то изрек.

Сказал я до конца
Всю правду и тогда
Из шахского дворца
Был изгнан навсегда.

Мы, люди, не в подарок жизнь берем —
Мы смертны, нам дают ее в заем.

Но всякий долг дают для возвращенья,
Срок платежа все ближе с каждым днем.

Благодари же мир, лови мгновенье,
Что есть сейчас, то будет ли потом?!

Проникни в сущность каждого явления
И лишь тогда уже суди о нем.

Не будь служителем чужого мненья,
Имей свое сужденье обо всем.

Не требуй, чтобы мир свое движенье
Вершил тебе желаемым путем.

Не мы определяем направленье —
Жизнь движется, и мы за ней идем.

Лишь тот на свете обретет счастье,
Кто сам кому-то принесет счастье.
Откуда начало полет счастье,
Туда обратный путь найдет счастье.

Счастливец тот, кто добротой богат,
Кто сам цветет, чужому счастьем рад.

Чужое счастье для людей хороших
Порой дороже собственных наград.

А тем, кто зол, всегда живется плоше,
Своим же злом себя они казнят.

Злость человека — тягостная ноша,
И наказание его, и ад.

Всему бывает противоположность:
С добром враждует зло и с правдой ложность.

Непримиримы умный и дурак,
Вода и пламя, простота и сложность.

В саду враждуют роза и сорняк,
Сильней ее красы его ничтожность.

И розу побеждает сильный враг,
Но все ж не торжествует безнадежность.

И соловей, прорезав ночи мрак,
Поет о розе, это — непреложность.

Идущее с восторженным челом
Порой добро бессильно перед злом.
Для зла в борьбе приемлемы все средства,
Оно не ждет, а лезет напролом.

Не будь жестоким к тем, что норовят
Тебя обидеть словом или взглядом,
Будь, как гора: когда ее долбят,
Она молчит и раскрывает клады.

Пусть все тебе желают лишь беды,
Пусть все наносят боль без сожаленья.
Пока висят на дереве плоды,
В него бросают палки и каменья.

Будь щедрым, даже если смерть видна
Уже в преддверье ада или рая,
Как раковина, взятая со дна,
Что людям дарит жемчуг, умирая.

Есть представители людского рода,
Что всюду ищут потайного хода.

Они не понимают слов и дел,
Простых и ясных, как сама природа.

У них сужденье не всегда свое
И слово из чужого обихода.

Они порою в хижинах живут,
И мы не замечаем их ухода.

Когда ж они приближены к дворцам,
То их деянья — бедствие народа.

Кто осторожность взял себе в закон,
Тот сладости раскаянья лишен,
Тот не подсуден, кто не безрассуден,
Тот, кто благоразумен, — не умен!

Коль хочешь мир познать, что скрыт в тени,
Ты в собственное сердце загляни.
А если сам себя познать захочешь,
Смотри, собой себя не заслони.

Есть некий дух. Он властвует везде:
И на земле, и в небе, и в воде.
Живет он в светлой мысли и в бреду.
В огне небесном и земном чаду.

Орла он поднимает к дали синей,
Павлина надувает он гордыней.
Дарует он и песню соловьям,
Дарует он и карканье ханжам.

Он увлекает молодость в полет,
Глушцу он властолюбие дает
И мудрости в какое-то мгновенье
Дарует силы для освобожденья.

Зимы предотвратить мы не вольны,
Но можем верить мы и ждать весны.
И в пряже заблуждений, может быть,
Мудрец отыщет золотую нить.

Ты для меня была и счастьем и святыней,
Огонь ты разожгла, огонь горит поныне.

Огонь ты разожгла, погрелась и ушла,
Так греются купцы перед костром в пустыне.

Их караван стоял, пока лежала мгла,
Но караван ушел и скрылся в дымке синей.

Широкие следы пустыня замела,
Но угли все горят, и пепел все не стынет.

ПЕСНЯ О КРАСОТЕ

Я с песней о тебе блуждал по свету,
И в толчее базарных площадей
Я пел, и тот, кто слышал песню эту,
Был очарован красотой твоей.

Татарин забывал, что он татарин,
И забывал еврей, что он еврей,
Равно христианин и мусульманин,
Внимали песне о красе твоей.

Я песню пел кочующему люду,
Певцам, пришедшим к нам из-за морей,
Ушли они и разнесли повсюду
Молву и песню о красе твоей.

От милых щек я отнял покрывало,
Когда для всех земель и всех людей
Пел до конца и начинал сначала
Все ту же песнь о красоте твоей.

Все на земле увянет, все исчезнет,
Поблекнет красота на склоне дней,
На веки сохранившись только в песне,
Пропетой мной о красоте твоей.

Красавицы, в своей любви просты,
Спешили перекинуть мне мосты,

Ведущие, как говорят, к забвенью
Из мира повседневной суеты.

По шатким тем мостам я без волненья
Ступал, далекий от своей мечты.

Всем обладая, жил я с ощущеньем,
Что обладал лишь чувством пустоты.

А ты, моя любовь, мое спасенье,
Творенье доброты и красоты,

Того, что называют наслажденье,
Не даришь мне; с тобою мы чисты,

И все же мной владеет убежденье,
Что целый мир мне подарила ты.

Там за горами висится Казбек,
Седой Казбек, проживший долгий век.

Трезвонит речка у его подножья,
Внизу весна, а на вершине снег.

Мне кажется порой: с Казбеком схож я,
Большой седобородый человек.

А ты — весна у моего подножья,
Ты — речка, начинающая бег.

ХАФИЗА

Чтоб нам к великой вере приобщиться,
Однажды из соседственной земли
Босые, в запыленных власяницах,
В наш город проповедники пришли.

Они кричали — мир погряз в разврате
И горе тем, чья совесть нечиста,
Их прегрешенья, может быть, оплатит
Лишь вера во спасителя Христа.

Они вздымали в небеса распятья,
Но до людей не доходил их зов,
И грешники просили доказать им
Правдоподобье доводов и слов.

Я никакого не приму ученья,
Не выскажусь ни «против» и ни «за»,
Покуда не сгорят мои сомненья
В огне твоих объятий, Хафиза!

Мой проповедник, все на свете зыбко,
Открой свою мне веру, Хафиза.
Есть довод у тебя — твоя улыбка.
Есть доказательство — твои глаза.

Смешной мой друг, глупец мой дорогой,
На все вокруг зриаешь ты с тоской.

Я вижу, как страдаешь ты от боли,
Но ранил ты себя своей рукой.

Мечтаешь о покое и о воле,
И сам же разрушаешь свой покой.

Я так тебе сочувствую, тем боле
Что, на беду себе, я сам такой.

О юноша, душою не криви,
Любовь свою несчастьем не зови,

Не превращай, бедняга, сердце в келью
С монашенкою в образе любви.

Тебе — печаль, притворщице — веселье,
Но ты однажды трезвость прояви.

Чем больше разума в твоём похмелье,
Тем больше пламени в се крови!

Того, кто грешной страстью не влеком,
Сравню я с пересохшим ручейком.
Все ручейки звенят, стремятся к морю,
А он в пустыне занесен песком.

Мельканье лиц, пространств, имен, времен,
Вся жизнь земная — это страшный сон.
Лишь тот находит в этом сне забвенье,
Кто хоть на миг любовью озарен.

К концу подходит жизнь моя земная,
И встану я перед вратами рая,

Где праведники с робостью тупой
В неведение толпятся, ожидая.

И я смешаюсь с пестрою толпой,
Ни страха, ни сомнения не зная.

Что рай небесный, если рай земной
Открыт мне был от края и до края.

Ты райские врата передо мной
Раскрыла на земле, моя родная!

И в молодости, и на склоне лет
Мы любим женщин, в том позора нет.
Когда ж кого-то женщина полюбит,
С презреньем каждый смотрит ей во след.

Джигит, не жертвуй сердцем молодым
Во имя той, что дорожит своим.

Того из нас к безумным причисляют,
Кто любит, сам не будучи любим.

И все ж любимых все обожествляют,
Известно — кто любим, тот не судим.

А сердце милой глиняным бывает,
Хоть мы его считаем золотым.

Всех к пропасти ведет одна дорога,
Порой она крута, порой полого.

Борясь с бедою, мы по ней идем,
В пути одолевает нас тревога.

Мы хлеб земной жуем и воду пьем,
Пока нам здесь не подвели итога.

Между небытием и бытием
Лишь ты, любовь, — наш светоч и подмога.

Ты схожа в смерти с сорванным цветком:
Он в запахе живет еще немного.

Время всему начертало границы,
Приходит — уходит желаний пора;
Но кто на любимую может молиться,
Для тех любовь — не пустая игра.

Громко о муках любовных скулящий
О счастье, о страсти твердит без конца.
Слово скупое любви настоящей
Не просится в сердце такого певца.

Когда тебе хотел я свить венок,
Искал цветы и отыскать не мог.
Теперь, когда уж нет тебя со мною,
Цветут цветы, моих касаясь ног.

Юнец, не будь труслив, от робости не плачь:
Застенчивость в любви — причина неудач.
Не будь, любимая, чрезмерно неприступна:
Чтоб жил его огонь, ты своего не прячь!

Влюбленный поэт, в упоенье парящий
На крыльях высокого стиля и слога,
К земной красоте — красоте настоящей —
Едва ли отыщет дорогу.

Всем и всюду угождая,
Ты угодной не была;
Всех милее быть желая,
Всем ты стала немила.

Мужчины далеко не безупречны,
И женщины — не ангелы, конечно.

Иных богиня мудрости сама
Не склонит верить в доводы ума.

Где бесполезны ум и слово чести,
Там действуют галантностью и лестью.

Споря с женщиной, мужчина
Блещет силой убеждений,
Ищет доводы, причины
Для логичных построений,
Чтобы их потом унес
Шквал истерики и слез!

Когда, чуть-чуть сердца тревожа,
Хочу их в песне сохранить,—
Слова о девушках похожи
На жемчуг, собранный на нить.

Неуловимый запах лета
В дыханье каждого стиха —
Очарование букета,
Что принесла мне Зюлейха.

Не диво, что, когда пишу я
И в каждой песне, спетой мной,
Так дружно с мудростью бушует
Безумье юности шальной.

А мудрость мне легко дается —
Я почерпнул ее не раз
В неистощимости колодцев
Лишь для меня глубоких глаз.

Не чудом в песню свет небесный,
Звеня, пролился с высоты,
А просто свет, поющий в песне,
Лишь отблеск женской красоты.

Она, как кубок легендарный,
Любви и мудрости полна;
Источник этот светозарный
Я не испыл еще до дна.

Встречая песню эту, кто-то
Пусть подтвердит издалика,
Что песня легкостью полета,
Как поступь юности, легка.

Не все, что происходит с нами, — сладко.
Но пить из чаш хмельное пламя — сладко.
И, милую в объятия заключив,
Соединять уста с устами — сладко!

Однажды песню спел на склоне лет
Дервиш¹ индусский — суфий² и поэт.

В той песне пелось: «Червь ничтожный созд
Тяжелый шелк, в который ты одет.

И злато, услаждающее взор твой,
Из темных недр извлечено на свет.

Возникшее из тьмы во тьму стремится,
Не долговечен ни один предмет.

Нетленен только дух, рожденный светом,
Ему вовек уничтоженья нет.

Рожденный светом, он стремится к свету,
Смерть побеждая, оставляет след».

¹ Д е р в и ш — странствующий монах, странник.

² С у ф и й (суфи) — последователь мистико-аскетического направления в исламе, аскет.

Порой мужей угрюмых ум и знания
Нам скрашивают мрак существованья.
Так возникая в черных облаках,
Тьму озаряет молнии сиянье.

Созданье мудреца — ума достойный плод
Венчаем мы венком — вершиной всех красот.
Ум красоте дает уверенность и силу,
А красота уму законченность дает.

Не всем стремленьям сбыться и мечтам:
Путь к истине не легок и не прям,

Мы — должники, и каждое мгновенье
О долге жизнь напоминает нам

И посылает кару — заблужденье,
Чтоб нам принадлежать к ее рабам.

Тоскливой песней тишину ветвей
Залетный оглашает соловей.

Спят успокоенные песней вечной
Луна, и гладь реки, и ширь полей.

Одна любовь не дремлет в этот вечер,
Ее не видят те, кто виден ей.

Забыв все горе, все противоречья,
Спят люди, и поет им соловей.

Кинжал тем лучше, чем острей,
Хоть острый тупится быстрей.

Игрок, поддавшийся азарту,
Не уповай на милость бога!
Игрок, что ставит все на карту,
На карту ставит слишком много.

Мудрец блуждать не станет день-деньской,
Ища предмет, который под рукой..
Мудрец тянуть не станет к звездам руку,
Чтоб засветить свечу перед собой.

У каждого из нас свое предназначенье:
Кто любит поучать, кто слушать наставленья.

Но большинство людей предпочитает тьму.
Для многих слепота спокойнее прозренья.

И знает лишь мудрец: не свойственно уму
Служенье суете и духа расточенья.

Избегни суеты, но и в се дыму
Хоть совершенствуйся ценою заблужденья.

Восславим самый дельный,
Мой самый зрелый шаг,
Когда я из моленной
Направился в кабак.

В своем тупом смиренья,
Зачах бы я давно.
Но жизнь в одно мгновенье
Вернуло мне вино.

Так пей, покуда пьется,
Покуда льется — лей,
Нам во хмелю поется,
Живется веселей.

Учитель мой — Хафиз,¹
Мой храм — питейный дом,
Где чаша у меня
Всегда полна вином.

Я лучшим людям мил,
Я к ним допущен в круг,
Весельчаков-кутил
Я самый первый друг.

Ступлю я на порог —
Ликует весь кабак.
Для пьяных — я пророк,
Для трезвых — я чужак.

Со мною мой кумир,
И у нее в глазах
Запечатлен весь мир,
И дьявол, и аллах.

Аллах, благослови,
Позволь направить нам
Свои сердца к любви,
А ноги к кабакам.

Могу я рай земной
Себе представить так:
Мечети ни одной
И под рукой кабак,

Где удастся мне
Во время питья
Разгадывать на дне
Загадки бытия.

¹ Хафиз — великий персидский поэт-лирик. В творчестве Хафиза сильны мотивы наслаждения жизнью, для его газелей характерен образ беззаботного полнородца — «гуляки».

Оставь ханжам все, чем они
Сильны и славны искони, —

Все добродетели оставь им,
О, господи, продли их дни!

А мне оставь мои пороки
И с ними юность сохрани.

Не дай сгореть моим посевам,
Увянуть им не дай в тени!

Мои ручьи, мои напевы
Не иссуши, не обедни!

Чтоб песни петь, оставь мне силы
И вдохновеньем осени!

Ханжи клеймят нас неизменно
И ношно нас хулят и денно.

И требует их судный глас,
Чтоб каялись мы непременно.

И проклинает грешных нас —
Весь род до сотого колена.

И слово злобное подчас
В глазах иных людей — священно.

Глупцы, я уверяю вас,
Что вера, как неверье, бренна,

Что ненависть всегда грешна,
Любовь всегда благословенна.

Вино поблажки не даст
Тем, кто ему в угоду
Порой себя не бережет,
Кто пьет вино, как воду!

Уменье пить не всем дано,
Уменье пить — искусство.
Тот не умен, кто пьет вино
Без мысли и без чувства.

Вино несет и яд и мед,
И рабство и свободу,
Цены вину не знает тот,
Кто пьет его, как воду!

Люби вино, как я люблю,
В любви своей не кайся:
Не зазнавайся во хмелю,
Но и не опускайся.

Одних вино влечет в полет,
Других сшибает с ходу.
Цены вину не знает тот,
Кто пьет его, как воду!

Рождает в нас пьянящий сок
И блажь и откровенье.
В нем — созидания исток
И жажда разрушенья.

Два верных спутника — вино и слово.
Без одного не мыслю я другого.
А без обоих мир уныл и пуст,
Без них мертво существованье наше.
Пусть шутка новая слетает с уст
И старое вино бушует в чаше.

Играет в чашах винных сок веселый,
И в чашах отражается всегда
И молодости подбородок голый,
И старости седая борода.

Мы пьем вино, и чем виднее дно,
Тем выше нам подняться суждено.
Над серостью равнин, небес касаясь,
Стоят хребты, теряясь в облаках.
Над трезвостью унылой возвышаясь,
Стоят певцы с бокалами в руках.

Вином и песней скучный мир украшен,
Но если мы поймем, что это тлен,
И замолчим, и отодвинем чаши,
Что ты, аллах, нам сможешь дать взамен?

Я склонен полагать, что не умно
То отвергать, что жизнью нам дано.

Себя оберегать от наслажденья,
Сжимать уста, чтобы не пить вино.

Всем радостям я возношу моление,
Молиться им, ей-богу, не грешно.

Пока дурак дождется вознесенья,
Мне быть в раю при жизни суждено.

Сулит мне муфти адские мученья,
Что станется потом, не все ль равно.

Я часто слышу предостереженья,
И мне, скорей, не страшно, а смешно.

Счастливейший из всех земных гостей,
Не чужд я ни пороков, ни страстей.

Пока земля сама себя вращает
Бессмысленно вокруг оси своей,

И люди радостей не замечают,
Но безуспешно ищут к ним путей,

И богомольцы плоть свою терзают,
Надеясь на приход счастливых дней,

И то мулла твердит, в чем понимает
Не больше им обманутых людей,

Я сладкую молитву повторяю
У ног любимой женщины моей.

Не надо мне, аллах, иного рая,
Мой рай земной небесного светлей.

Пусть над землею громыхает гром,
Гроза пугает градом и дождем,
Мы пьем вино за дружество людское,
О счастье человеческого поем.

Гроза бессильна, буря не страшна
Владычеству красавиц и вина.
Я знаю, там, где ангелы витают,
Смирнен и бессилен сатана.

Вино сравню с дождем:
Дождь под весенним небом
Падет на чернозем
И вскоре станет хлебом.

Несет вино всегда
И горечь нам и сладость.
Течет оно всегда
На горе и на радость.

Мы знаем издавна:
Зависит емкость чаши
И качество вина
От дарований наших.

Известно всем давно,
Что так оно бывает:
Глупцов пьянит вино,
А умных вдохновляет.

И, право, неспроста
С вином одновременно
Любовь и красота
Пьянят нас неизменно.

Мы знаем отродясь,
На дождь вино похоже:
Когда прольется в грязь,
То станет грязью тоже.

Пьют соловьи росу — напиток ночи.
Они умны и знают, что к чему.
Мы, люди, в чаше винной губы мочим,
И мы умны, мы знаем, что к чему.

На берег волны пенны и бурливы
Летят и гулом оглушают тьму,
В морях вина приливы и отливы
Понять нам помогают, что к чему.

Вино есть бог: всегда оно дорогу
Указывает сыну своему.
Тем рай открыт, кто приобщился к богу.
Молясь вину, мы знаем, что к чему.

Когда зимой повсюду снег и лед,
Я пью и верю, что весна придет.
Я пью потом, когда весна приходит,
Приветствуя вином ее приход.

— Мирза-Шафи, заладил ты одно —
Все про любовь поешь да про вино.
А это нам наскучило давно:
Все, что чрезмерно, то надоедает.

— О чем же петь, подайте мне совет.
Здесь на земле, где столько зла и бед
Любовь и хмель — единственный прос
А светлос чрезмерным не бывает.

Всему на свете свой черед:
Пока ты юн, вздыхать не надо,
А если старость подойдет,
Себя юнцом считать не надо.

Не остается трав зимой,
Весною льда не остается,
Потом от юности быллой
В нас и следа не остается.

Юнец, пока ты юн и смел,
Затворником сидеть не надо,
Мудрец, когда ты постарел,
Грешить и громко петь не надо.

Лоз виноградных сок, какой же в нем порок,
Когда его, как всё, дарует людям бог?

Пей этот сок всегда, но пей, чтоб ввысь стреми
И никогда не пей, чтоб в грязь валиться с ног

Но руку дай тому, кто может оступиться,
Приди к нему, пусть он не будет одинок.

Когда потом с тобой такое же случится,
Помогут и тебе, как ты ему помог.

Мне каяться пора, но не могу,
Сойти с пути порока нету силы.
Я грешник, и погряз я в том кругу,
Который ты мне взглядом очертила.

Святоши душу берегут мою,
Дорогу в рай мне указуют властно,
Но мы с тобой давно уже в раю,
В другом раю не вижу я соблазна.

Ханжи о небесах кричат не в лад,
Но нет на небе рая никакого:
Об истинном блаженстве не кричат,
Я о своем не говорю ни слова.

Грешнее, чем ворона, соловей:
Несчастья он накаркивать не хочет,
Я, проклятый, счастливей тех людей,
Которые несчастье мне пророчат.

Блажен, кто счастьем наделен
В час пира и похмелья,
Блажен, кто для любви рожден
И для веселья.

Тот счастлив, в ком способность есть
Плевать на все на свете,
Кого смешит вельможи спесь
И мрак мечети.

Мне в этой жизни повезло:
Я почитал на деле
Священным лишь одно число —
Семь дней недели.

И хоть морщины на лице
Они мне начертали,
Но были счастливы в конце,
Как и вначале.

Мирза-Шафи, люби и пей,
Пой и не хмурься строго
И радуйся, что всех светлей
Твоя дорога.

— Мирза-Шафи, писать да петь
Ужель тебе не надосло?
Ты в жизни мог бы преуспеть,
Остепенись, возмись за дело.

Пройди в меджлис¹ и послужи,
И награжден ты будешь тоже.
Возьми в пример Мирзу-Гаджи:
Он был никто, теперь — вельможа.

— Нет, брат, не надобно ума,
Чтоб в нашем заседать меджлисе
Меж тех, для чьих голов чалма —
Прекрасная замена мыслей.

Не надо обладать душой,
Чтобы в меджлисе быть почтенным,
Где каждый господин большой
Большой дурак одновременно.

¹ М е д ж л и с — парламент; государственный совет.

Благодарю тебя за честь,
Не будут мне в меджлисе рады,
И кто меня заменит здесь,
Кто петь захочет без награды?

Но если есть властитель слов,
Который петь умеет честно,
Ему я уступить готов
И ремесло свое, и место.

Едва Мирза-Шафи сольется
Губами с налитым вином,
Из уст его стрела несется
С неумолимым острием.

И каждый верит на мгновенье,
Что будет зло истреблено:
Того, в чьем сердце зреет мщенье,
Венчает с мудростью вино.

Вазех! Все поняли вполне,
За что и кто творцу угоден:
Познавший истину в вине,
Не навлечешь ты гнев господен!

Я говорил давным-давно,
Что можно пить вино пристойно,
И как ни дорого вино,
Оно любой цены достойно.

Предупредил Адама бог:
— Над всей природой царствуй смело,
Но знай: чтоб ум светиться мог,
Должно вином согреться тело.

Адам по собственной вине,
Еще путей не разбирая,
Не внял завету о вине,
И бог изгнал его из рая.

Весь мир пустил творец на дно,
Но молвил праведному Ною:
— Ты, первый сделавший вино,
Живи и стань моим слугою.

И новый род начни людской.
Я спас тебя в ковчеге, чтобы
Узрел ты, как моей водой
Упились насмерть водохлебы.

На землю грешный ангел в наказанье
Отправлен был и, посетив меня,
Поведал, как за власть земных желаний
Он небеса на землю променял.

— Отныне ты не будешь бестелесным! —
Сказал ему разгневанный господь. —
Тебя влечет к вину, любви и песням?
Что ж, получай тогда земную плоть!

И за измену ангельской отчизне,
За то, что благодать неба позабыл, —
Иди, страдай земною жаждой жизни,
Пусть тебя сожжет греховный пыл!

Кто радости такой ценой не черпал,
А даровщину милости презрел —
Тот и в раю терзаться будет чем-то,
Что на земле найти он не сумел!..

ВОПРОС И ОТВЕТ

Спросили Вазеха: «Ты петь не устал
О том, как прекрасны любимой уста,
Их свежесть прекраснее яркого лета
Ты славить любую строкою своей,
При этом ни разу тобой не воспето
Былое величье прославленных дней!

Не наши ли родичи были когда-то
Безмерно славой несметно богаты?
Их доблести помнят российские степи,
Там ханы прославились властью своей,
Иковки татарской тяжелые цепи
Держали до выкупа пленных князей.

От моря до моря — все земли и страны
Прославили доблесть великого хана.
Стрелой запевая, щитами звеня,
О нем прогремело летящее время.
Прислужники хану седлали коня,
Пленный боярин поддерживал стремя.
И пусть для потомков Орды Золотой
Отныне могущество предков воскреснет,
Ты заново отзвуком славы былой
Наполнить обязан сыновнюю песню!»

Вазех им ответил достойно на это:
«Предания славят жестокость вождей,
Но слава набегов звучит для поэта
Как стоны народа, как плач матерей.

А рабство на волю меняют народы,
И мстители вновь добывают свободу.
Другие вожди и другая победа
Смывают позор половодьем смертей.
Но кровью добытые счастье и беды
Не выпросят славы у песни моей.

Упорно душили свободу татары,
Но Русь не согнулась в поклоне врагу,—
Она поднялась и заслуженной карой
Татарское иго согнула в дугу.

Пусть кровью за кровь воздавалось по праву.
Пусть доблести хана и доблесть князей
Различны по сути, но, равно кровава,
Их слава не трогает песни моей.

О том, что по сердцу и нраву поэту,
Я в меру таланта обязан пропеть;
Но, чтобы все лучшее было воспето,
Мне надо две долгие жизни иметь!

Пусть песню питают не мертвые были,
Но люди живые и соки земли;
А прадедов слава, седая от пыли,
Со славой набегов заглохла в пыли.

Нет, я не потеряю честь,
Не опущусь на дно,
Пока на свете шутка есть
И доброе вино.

Стихи и песни в сердце спят,
И спать им суждено,
Покуда жизнь и аромат
В них не вдохнет вино.

Слепому племени вершин
Увидеть не дано,
Великолепия низин,
Рождающих вино.

Покуда песню я пою,
Пока тянусь к вину,
Взглянув на высоту мою,
Ты видишь глубину.

Мулла, взгляни-ка на вино,
Не грех ли им пренебрегать?
А что напиться не грешно —
Ты можешь истиной считать!

Аллах при помощи вина
Помог не сбиться мне в пути:
Смекнул, видать, что я спяна
В мечеть способен забрести.

Верны друзья, испытано вино,
А ночь иль день — застолю все равно.

Где в чаше хмель, где шутка на устах,
Где с пьяными красотки заодно,

Где каждый мудр, где места нет глупцам,
Вазеха там найти немудрено.

Среди цветов нам венчики укажут
Красивейший цветок.
О качестве вина немедля скажет
Один его глоток.
О людях и душе их неизменно
Поступки говорят.
И выдает сановников надменных
Их дорогой наряд.
Познай приметы! Опыт драгоценный
Они в себе таят.

Опять упрек бросают мне,
Что я в своих стихах
Твержу о розах и вине,
Любви и соловьях.

Чтоб славить свет, я воспою
Не лампу, не свечу.
А солнцу я строку свою
Стократно посвящу.

Стих подарю я роднику,
И птицам, и цветам,
Но ни единую строку
Уродству не отдам.

Не будут жить в стихах моих
Святоши и князья,
Но воспоет мой каждый стих
Газель и соловья.

Мирза-Шафи! Твоих стихов
Струится аромат —
И, как дыханием цветов,
Наполнился твой сад.

Зная дар вина священный,
Мудрый чашу не торопит,
Только глупость неизменно
То, что ценно, в пьянстве топит.

Соблюдай заветы наши
И увидишь ясным взглядом:
Расцветет из винной чаши
Красота волшебным садом.

Расцветет, подобно чуду,
Радость легкая, как воздух,
И с тобою будут всюду
И весна, и небо в звездах.

И душа светлей и шире,
И добра в ней зреют зерна,
И тебе просторно в мире,
И в груди мечтам просторно.

МУДЖТАХИД¹ ПОЕТ

Коль мусульмане все с пути греха сойдут,
На верный ступит путь весь правоверный люд.
Зачем тогда мой разум и познания?

Коль страждущий в беде лекарство сам найдет
И жаждущий к воде дорогу сам найдет,
С кого тогда собрать сумею дань я?

Я лучше буду сам источники мутить,
Чтоб люди без меня не знали, где им пить,
И зря не пропадут мои страдания.

Я лучше буду сам ввергать заблудших в грех,
Чтобы потом спасать и быть нужнее всех,
Всем озаряя мрак существования.

¹ Муджтахид — духовный наставник, ученый богослов.

МИРЗА-ШАФИ ПОЕТ

Во всем различны я и муджтахид,
Различны наша суть и даже вид.

Мы оба тратим жизнь во имя слова,
Но если я пою, то он визжит.

Он сердце жиром защитил надежно,
А у меня за всех оно болит.

Мой ум — на языке, а друг мой ложный
Не думает того, что говорит.

Коротконогий, он, подобно утке,
Ступает гордо и порой кряхтит.

Пыхтит, как будто у него в желудке
Весь груз людских проступков и обид.

Он вкривь идет, моя пряма дорога,
Где я шучу, клянет он и стыдит.

Открыто я смеюсь над ним, ей-богу,
Он за спиной моей меня хулит.

Меня его хула смешит немного,
Моя насмешка муджтахиды злит.

Опять наш муджтахид, забыв про стыд,
Лежит в грязи, ободран и побит.

Ворчит он пьяно: «Свет погряз в разврате,
Весь мир в грязи, его ужасен вид!»

Подумал я об этом человеке,
Как он в себе уверен, что брюзжит

И видит мир погрязшим безнадежно,
А между тем лишь сам в грязи лежит

Удача мне сопутствует не сплошь,
Но верю я, что никакую ложь
Чужим красивым словом не прикроешь,
Плохую песню рифмой не спасешь.

Мирза-Юсуф начитанный пиит,
Он мудро о Хафизе говорит.
Джами читал он, Хагани читал он,
И смысл Корана для него открыт.

Чужое слово из прочтенных строк,
Хоть и не ново, но годится впрок.
Мирза-Юсуф в чужое оперенье
Свои творенья скучные облек.

Он склонен полагать, что не грешно
Взять где-то рифму иль словцо одно.
Мирза-Юсуф, гордясь чужой одеждой,
То говорит, что сказано давно.

А я пишу и мучаюсь, чужак,
Мне кажется: все плохо, все не так,
Всегда бреду необжитой землей,
Где нет дорог, где беспросветный мрак.

В чужом ручье мне слов не почерпнуть,
Чтоб их извлечь, я разрываю грудь.
Прикрыть я не умею пышным слогом
Чужую мысль, несостоящую суть.

В Мирзе-Юсуфе недостатков нет,
И потому клянет он белый свет,
В котором он достоинств не находит,
Ругая всех в глаза и за глаза
За то, что люди и поют и ходят
Не так, как хочет он — Юсуф-Мирза.

Мирза-Юсуф походит на вола,
Чей голос груб и поступь тяжела,
За легкость этот вол не любит лани,
А соловья за то, что голосист,
За то, что не походит на мычанье
Пленивший землю соловьиный свист.

Легко мне петь и чаши осушать,
А ты, Мирза-Юсуф, ворчишь опять.
Я слишком пьян, чтоб на тебя сердиться,
И слишком трезв, чтобы тебя понять.

Тебя ругать? Не стоит тратить силы,
И так тебя природа обделила:
На той земле, где все вокруг цветет,
Лишь одному тебе ничто не мило.

Кура у ног моих, у самых ног
Поет и плачет желтая вода.
И солнце опускается в поток.
О, если б так осталось навсегда!

Сосуды придвигаются ко мне,
Я пью, и забывается беда,
И взгляд любимой вижу я на дне,
О если б так осталось навсегда!

На свете ночь, на небе солнца нет,
На небе звезды, и любовь — звезда.
Чем гуще мгла, тем ярче звездный свет,
О если б так осталось навсегда!

Пусть в двух морях твоих безбрежных глаз
Бурлит моя любовь, иди сюда,
Темно вокруг, никто не видит нас,
О, если б так осталось навсегда!

Я уходил, но прибежал опять:
Мне сердца от тебя не оторвать.
К тебе мои мечты все время рвутся,
И нету силы, чтобы их сдержать.

В моих глазах опять блестит слеза.
В моих глазах опять твои глаза.
Лоза не может к солнцу не тянуться.
А мы с тобой: ты — солнце, я — лоза.

Как много в небе звезд, горящих неустанно,
И каждая звезда как маленькая рана.

Но в небе меньше звезд, чем ран в моей груди
От гнева твоего, кокетства и обмана.

На свете обречен весь век прожить во тьме
Тот, чья избранница в любви непостоянна.

Вскипает в жилах кровь, и с губ слетает стон,
В моих глазах слеза, и все вокруг туманно.

Вам эту песню спел Вазех, в чьем сердце боль,
Как черное пятно на лепестке тюльпана.

Идем к одной мы цели — я и ты.
Одну мы цепь надели — я и ты.

Ты в сердце у меня, я у тебя,
Все остальное делим — я и ты.

Порой, две рыбки на одном крючке,
Мы дышим еле-еле — я и ты.

Порою, как с орлицею орел,
Мы кружим в беспределье — я и ты.

Восходит солнце из-за гор,
И в отдаленье где-то
Огнем горит морской простор
От солнечного света.

Сияет твой прекрасный взор,
Как дальнее светило.
Моих стихов морской простор
Ты светом озарила.

Земля надела вешний свой наряд.
В зеленом — луг и поле, в белом — сад.

О, как всегда был счастлив я весною,
Как был всегда ее приходу рад.

Еще была любимая со мною
Весною прошлой, год тому назад.

Теперь сады весенней красотой
Обиду мне напомнить норовят.

Постой, мой друг, сверни со своего пути,
С тропой моей любви свою тропу скрести!

Мне очень тяжело — пронзенный женским
взглядом

Я сердце потерял, его мне не найти.

Куда б я ни глядел, она со мною рядом,
Куда бы я ни шел, я не могу уйти.

Пред ней небесных звезд склонились мириады
Достоинство свое не в силах соблюсти.

Но жизнь, она идет, опять весне мы рады,
В шатре моем вино, о господи, прости.

Попробует Вазех забыть свою досаду
И с другом вновь покой и счастье обрести.

Когда ты предо мной, в глазах моих туман
И в сердце боль остра, боль незаживших ран.

Шейх запрещает мне и думать о тебе,
Не понимая тех, кто страстью обуян.

Ты — солнце, я — луна, без солнца нет луны,
Я озарен тобой, тобою осиян.

Тобою вознесен, тобой повержен в прах,
В ничтожестве моем как мне обнять твой стан?

И все ж, когда, Вазех, я о тебе пою,
И сладко на губах, и без вина я пьян.

Доколе будет у тебя
Морозно, словно снег, сердце
Для тех, кто сам горит, любя,
Кто потерял навек сердце?

За поцелуй моей любимой смело
Продам я душу и отдам я тело.
За поцелуй я жизнь свою отдам,
В разлуке с милой жить мне надоело.

Солнцу в небе и то каждый день заходить суждено,
 Ты ж блистаешь всегда, пред красой твоей
меркнет оно.
 Что же мне говорить: жизнь ли, смерть — мне теперь
все равно.
 Ты Вазеха от веры отцов отвратила давно,
 Нет ни веры моей, ни бывлой правоты, Сусани!

МУХАММАС

Ты султанша на троне в стране красоты, Сусани,
 В Гюлестане любви ты сажашь цветы, Сусани,
 То меня окрыляя, то руша мечты, Сусани,
 Жертва гнева и жертва твоей доброты, Сусани,
 Я готов ко всему, что назначишь мне ты, Сусани!

Пред твоими кудрями от зависти колос поник,
 И осанке твоей позавидовал тонкий тростник.
 И поникли тюльпаны, увидев прекрасный твой лик,
 Я поник потому, что ты сердце пронзила мне в миг,
 Потому что я понял: надежды пусты, Сусани!

С чем сравнить мне твой лик? Днем он солнце,
а ночью луна.

Он хмельных отрезвляет, а трезвых пьянит допьяна.
 Распусти свои кудри, приди, и легка и стройна.
 Пред тобою неверью и вере — ничтожна цена,
 Освещенные взглядом твоим — все чисты, Сусани!

Как подходит плечам твоим белым муар и атлас,
 Награждать и карать подобает зрачкам твоих глаз.
 Скажешь слово над мертвым — и мертвый воскреснет
тотчас,

Скажешь слово живому — и вслед за тобою от нас
 Он пойдет и сожжет за собою мосты, Сусани!

Откинь чадру назад, откинь чадру!
В своей чадре идешь ты, как в чаду.
За тучу прятаться не должно звездам,
Не должно розам прятаться в саду.
Тебя аллах такой красивой создал,
Чтоб ты цвела у мира на виду.

Откинь чадру назад своей рукой
От черных кос, стекающих рекой,
От губ, подобных лепесткам тюльпана,
У смертных отнимающих покой,
А в Турции у самого султана,
Я знаю, нет красавицы такой.

Под черной сеткой ты едва жива,
Откинь чадру, услышь мои слова,
Откинь чадру назад, мы не осудим,
Прекрасна ты, а потому права,
Откинь чадру назад на радость людям,
Откинь для собственного торжества!

ТИФЛИС

Есть города приятнее для глаз,
Но все-таки прославился Шираз
Великой красотой, подтвержденной
Стихом Хафиза много тысяч раз.

На свете лишь поэты могут в миг
Поднять рабов и в грязь втоптать владык,
Великим сделать то, что не велико,
Того ничтожным сделать, кто велик.

Слова Хафиза убедили нас,
Что края нет прекрасней, чем Шираз,
Он смог булыжник города родного
Посредством слова превратить в алмаз.

И наш Тифлис напоминает сад,
Здесь винный дух, цветочный аромат,
Красавицами славен этот город,
Поэтами и песнями богат.

И ты, Мирза-Шафи, воспой Тифлис,
Как город свой родной воспел Хафиз.
Воспой Тифлис и песнею своею
Над городами прочими возвьсь!

Мирза-Шафи, твои напевы — рай
Для всех, кто любит этот славный край.
Вино, любовь — все, что в стихах воспето,
Благослови, аллах, а не карай.

Мирза-Шафи, твои напевы — ад
Для всех святош, что судят и брюзжат.
Мирза-Шафи, ханжей твои напевы
Сильней геенны огненной страшат.

ШИПЫ И РОЗЫ

Соседку, злее, чем голодный пес,
Послал мне бог, вернее, черт принес,

Она бранится, устали не знает,
Тихоню мужа доводя до слез.

Порою он несмело отвечает,
Она кулак бедняге тычет в нос.

И вновь кричит, когда он замолкает:
«Ужели к небу твой язык прирос!»

Мы все под богом — кто не обижает
Людей, нам близких, в шутку ли, всерьез!

Да, без колючек розы не бывает,
Беда, коль есть шипы, но нету роз!

ТИМУР¹

«Тому беда, кто жаждет разрушенья,
Кто смерть несет, в том находя забвенья.

Его молитвы не услышит бог
И своего не даст благословенья!»

Так пел певец, и в золотой чертог
Влетела песнь, всех приводя в смятенье.

— Кто там поет? — в вольненье шах изрек,
И мигом стражники пришли в движенье.

И пал певец во прах у шахских ног.
Что скажет он для своего спасенья?

— Ни в чем я не повинен, видит бог,
Дар песнопенья — божье озаренье!

— Я властен над тобой, — промолвил шах, —
И проклянешь ты, раб, свое рожденье!

— Ну что ж, — сказал поэт, — велик аллах!
Чтоб делать зло, не надобно уменья.

Вершит убийство и зверье в лесах,
И даже мертвый камень в миг паденья.

И, пламя гнева погасив в глазах,
Правитель погрузился в размышленье.

Он поднял знаком павшего во прах:
— Ступай и не пытай мое терпенье!

С тех пор владыка, говорят, зачах,
С тех пор он смерти ждал, как избавленья.

До самой смерти у него в ушах
Звучала песня, словно осужденье.

И слышал царь, внушавший миру страх:
«Тому беда, кто жаждет разрушенья,

Того к себе не призовет аллах
И своего не даст благословенья».

¹ Т и м у р — полководец-завоеватель (1336—1405), отличавшийся чрезвычайной жестокостью.

ПУСТЫННИК

Пустынник с опаленной солнцем грудью
Явился к Зороастру бос и наг.
Сказал отшельник: «Путь мой чист и труде
Я богу посвящаю каждый шаг
В то время, как небесным благам люди
Предпочитают соль греховных благ!

Я двадцать лет жую одни корни
В пустыне, что безлюдна и тиха,
Блаженство мне приносят лишь моления
И чтение священного стиха.
На свете только самоотречение
Ведет к освобождению от греха».

И Зороастр с улыбкой не без грусти
Промолвил так пустыннику в ответ:
— Пусть небо прегрешенья нам отпустит,
В твоём служенье богу проку нет.
Полезней посадить в пустыне кустик,
Чем мучиться без пользы двадцать лет!

ИБРАГИМ СЫН АБДУЛЛЫ

Жил старый Ибрагим
И праведно и строго,
Был путь его прямым,
Добра он сделал много,
Но слышать ничего
О боге не хотел
И дела не имел
С прислужниками бога.

Не то чтоб Ибрагим
Был человеком серым,
Сойдясь с муллою одним,
Он отошел от веры:
О божем суде
Мулла ему твердил
И к слову приводил
Ужасные примеры.

Нередко божий страх
Нам сковывает души,
Нам говорят: аллах
На грешных гнев обрушит.

Чем грешника простить,
Погрязшего в грехах,
Великий наш аллах
Скорей весь свет разрушит.

И все ж таки господь
В день светопреставления
Промолвит: «Ибрагим,
Ты заслужил прощенья.
Ты мне милее тех,
Кто именем моим
Клеймит проклятьем грех,
Ввергая всех в смятенье».

НАВОДНЕНИЕ

Однажды вышла из повиненья
Река большая; было наводненье.
И воды, выходя из берегов,
Несли повсюду смерть и разрушенье.

Бушуй, как разгневанное море,
Неслась река и причиняла горе.
И рушилось и погибало все,
Что не нашло спасения на взгорье.

Гром грохотал, блестели вспышки молний,
И шах сказал: «Кто обуздает волны,
Тому я сам и почести воздам,
И все его желания исполню!»

Один мудрец, не зная заклинаний,
Но обладая нужной суммой знаний
И видя, что вода идет на спад,
Сказал: «Конец приходит испытаний!»

Его слова услышал плут великий
И молвил так, упав перед владыкой:
«Я всех спасу, но будь, владыка, щедр
И нового несчастья не накликай!»

И шах не пожалел чинов и денег,
И стал казнохранителем мошенник,
Когда река вошла в свое русло,
Как и бывает после наводнений.

Шептались юные со стариками,
А старики качали головами
И понимали, как легко владык
Опутывать обманными словами.

Не овладела мудрецом досада,
Поскольку мудрости наград не надо.
Возможность не зависеть от царей,
Свобода ото лжи — ее награда!

ДЕРВИШ

С толпою приближенных,
Со свитой стражей конных
На вороных конях
Объезд краев исконных
Свершал великий шах.

«Будь славен, шах великий!» —
Кругом кричал народ,
И лезли все вперед,
Чтоб пасть перед владыкой.

Один дервиш убогий
На всех не походил.
Сидел он у дороги,
Безмолвие хранил.

И самый именитый
Придворный блюдолиз,
Вдруг отделясь от свиты,
Над стариком навис.

«Коль ты, молчальник кроткий,
Безмолвствовать привык,
Так выдерут из глотки
Ненужный твой язык!»

И шах — правитель строгий —
Остановил коня:
«Ты почему, убогий,
Не падаешь мне в ноги,
Приветствуя меня?»

Дервиш ответил внятно:
«Мой шах, ты знаешь сам —
Случалось попадать нам
Под власть к твоим врагам.

И вся толпа, бывало,
Нимало не скорбя,
Твоих врагов встречала
Не хуже, чем тебя.

Тебя я не в гордыне
Молчанием встречал,
Безмолвствовавший ныне,
Я и тогда молчал.

Любовь не расцветает
Там, где таится страх,
Она не на устах,
А в сердце обитает.

И если только силой
Ты в силах управлять,
Казни меня, не милуй,
Ты властен убивать!»

Но шах, смягчившись, прежде
Чем кликнуть палача,
Дал нищему одежды
Со своего плеча.

Придворных озадачил,
Когда он не льстеца —
Молчальника назначил
Советником дворца.

С тех пор судил и правил
Добром великий шах.
Народ владыку славил,
Но славил не за страх.

Шах до скончанья века
Благословлял тот час,
Когда он Человека
Себе на счастье спас.

Великий шах в смущенье
Нередко повторял:
«Сей нищий уваженье
Мне под ноги постлал».

И понял шах великий,
Что мерят лишь рабы
Достоинства владыки
Покорностью толпы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Гребнев. Песни Мирзы-Шафи</i>	3		
«Из песен остается на века...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	13	«Так песни пой, как будто...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	30
«Речь громкая умом порой не блещет...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	14	«— Тебя опять обманывают...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	31
«Приветствовали вы мои сужденья...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	15	«К нам не извне приходит озаренье...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	32
«Слышал я, что люди говорят...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	16	«На тропках счастья...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	33
«Если ты умен, иди к глупцам...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	17	«Жизнь — это поле...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	34
«Брань и хула людская — все ничтожно...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	18	«Минует все: и радости и страсти...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	35
«Грешит нередко мудрость простотой...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	19	«Мы в суете...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	36
«Уж лучше пусть не обретут признанья...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	20	«Над миром глупость властвует...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	37
«У каждого из нас...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	21	«Счастливец тот из нас...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	38
«В потоке бурном...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	22	«То, что скажу я, может, и не ново...» Перевод <i>Н. Гребнева</i>	39
«Как надо жить...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	23	«Где гнев кончался...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	40
«Сложна дорога жизни...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	24	«Плывут миры, уходят в никуда...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	41
«Один глупец, постигший все науки...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	25	«Твердит хулителю, злостью обуян...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	42
«Что ты ни говори...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	26	«С блестящей скорлупой жемчужина слилась...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	43
«Поднимет ветер пыль...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	27	«Я знаю уверения пророка...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	44
«Благоразумный важен и учин...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	28	«Не слушай злой молвы...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	45
«Иным из нас богатство...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	29	«Скорей печали, нежели венец...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	46
		«Изрек один мудрец...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	47
		«Те добрые деянья хороши...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	48
		«Не доверяй любовь словам своим...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	49
		«Тот не любил...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	50
		«Вот голова твоя, мой друг...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	51
		«Я видел город...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	52
		Кипарис. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	53
		«Одни из нас твердят...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	54
		«Сперва блистает молния во мгле...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	55
		«От сотворенья так уж повелось...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	56
		«Увы, проходит жизнь...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	57

«От колыбелей до могильных плит...». Перевод Н. Гребнева	58
«Людей незаменимых нет...». Перевод Н. Гребнева	59
«Мы любим аромат пчелиных сот...». Перевод Н. Гребнева	60
«Ты от бездельника не жди услуг...». Перевод Н. Гребнева	61
«Что ни пошлет беда...». Перевод Н. Гребнева .	62
«— Мирза-Шафи, что от тебя хотят?..». Перевод Н. Гребнева	63
«На звезды мы глядим...». Перевод Н. Гребнева . .	64
«Когда любовь я пел...». Перевод Н. Гребнева . .	65
«Однажды говорил чертополох...». Перевод Н. Греб- нева	66
«Великий дар небес...». Перевод Н. Гребнева . . .	67
«Я к свету шел...». Перевод Н. Гребнева	68
«Талант поэта — дар небес...». Перевод Н. Греб- нева	69
«— О, соловей, что ж песня отзвучала...». Перевод Н. Гребнева	70
«И солнце, нам дающее тепло...». Перевод Н. Гребнева	71
«Красу не оценить...». Перевод Н. Гребнева	72
«Я молод был...». Перевод Н. Гребнева	73
«Мирза-Шафи, трудолюбивый шмель...». Перевод Н. Гребнева	74
«Прекрасное нам даром не дают...». Перевод Н. Гребнева	75
«Бог создал солнце...». Перевод Н. Гребнева . . .	76
«Для песен — рифмы сладкое звучанье...». Пере- вод Н. Гребнева	77
«Звучание и звон колоколов...». Перевод Н. Греб- нева	78
«Никто не знает, где родится чудо...». Перевод Н. Гребнева	79
«Хоть уплывешь за тридцать морей...». Перевод Н. Гребнева	80
«Слыть праведными нет у нас причины...». Пере- вод Н. Гребнева	81
«Вот что сказал один мудрец...». Перевод Н. Греб- нева	82
«Считает лишь дурак...». Перевод Н. Гребнева . .	83
«Лучше вина без кувшина...» Перевод Н. Гребнева	84

«По кладбищу мы как-то шли...». Перевод Н. Греб- нева	85
«В один из дней...». Перевод Н. Гребнева	86
«Поговорить собрались знатоки...». Перевод Н. Гребнева	87
«В укромном месте...». Перевод Н. Гребнева . . .	88
«Хоть правду говорить небезопасно...». Перевод Л. Мальцева	89
«Тот, кто к людям добр и нежен...». Перевод Л. Мальцева	90
«Немудрых мудрецов не перечислить...». Перевод Л. Мальцева	91
«Склонись перед могущественной силой...». Пере- вод Л. Мальцева	92
«От мысли весомой...». Перевод Л. Мальцева . . .	93
«Среди глупцов, блеснув умом...». Перевод Л. Маль- цева	94
«— Мирза-Шафи, в чем тайна мастерства...». Пере- вод Л. Мальцева	95
«Стараясь ладить с богом...». Перевод Л. Мальцева	96
«Обещанный рай в наши души вложили...». Пере- вод Л. Мальцева	97
«Земля от собственных щедрот...». Перевод Л. Мальцева	98
«Мы с Вечностью знакомы понаслышке...». Пере- вод Л. Мальцева	99
«Без надежд на примиренье...». Перевод Л. Маль- цева	100
«Засемной мудростью владыка жить привык...». Пе- ревод Л. Мальцева	101
«Стремятся к свету те, кто видит свет...». Перевод Л. Мальцева	102
«Прежде, чем за дело браться...». Перевод Л. Маль- цева	103
«Мирза-Шафи сказал однажды...». Перевод Л. Мальцева	104
«Иной живет, стремясь красиво мыслить...». Пе- ревод Л. Мальцева	105
«Будь трижды проклят черный час, когда...». Пере- вод Л. Мальцева	106
«Страшнее боли нет...». Перевод Л. Мальцева . . .	108
«Едва пробившийся на свет...». Перевод Л. Маль- цева	109

«Кто счастье пить по капле рад...». Перевод Л. Мальцева	110
«Снова песни любви...». Перевод Л. Мальцева	111
«Случайно как-то повстречав меня...». Перевод Н. Гребнева	112
Великому визирю. Перевод Н. Гребнева	113
«В одной большой стране...». Перевод Н. Греб- нева	114
«Мы, люди, не в подарок жизнь берем...». Пере- вод Н. Гребнева	115
«Лишь тот на свете обретет счастье...». Перевод Н. Гребнева	116
«Счастливец тот, кто добротой богат...». Перевод Н. Гребнева	117
«Всему бывает противоположность...». Перевод Н. Гребнева	118
«Идущее с восторженным челом...». Перевод Н. Гребнева	119
«Не будь жестоким...». Перевод Н. Гребнева	120
«Есть представители людского рода...». Перевод Н. Гребнева	121
«Кто осторожность взял себе в закон...». Перевод Н. Гребнева	122
«Коль хочешь мир познать...». Перевод Н. Греб- нева	123
«Есть некий дух...». Перевод Н. Гребнева	124
«Ты для меня была...». Перевод Н. Гребнева	125
Песня о красоте. Перевод Н. Гребнева	126
«Красавицы, в своей любви просты...». Перевод Н. Гребнева	127
«Там за горами высится Казбек...». Перевод Н. Гребнева	128
Хафиза. Перевод Н. Гребнева	129
«Смешной мой друг...». Перевод Н. Гребнева	130
«О юноша, душою не криви...». Перевод Н. Греб- нева	131
«Того, кто грешной страстью не влеком...». Пере- вод Н. Гребнева	132
«Мельканье лиц, пространств...». Перевод Н. Греб- нева	133
«К концу подходит жизнь...». Перевод Н. Гребнева	134
«И в молодости, и на склоне лет...». Перевод Н. Гребнева	135

«Джигит, не жертвуй сердцем...». Перевод Н. Греб- нева	136
«Всех к пропасти ведет...». Перевод Н. Гребнева	137
«Время всему начертало границы...». Перевод Л. Мальцева	138
«Когда тебе хотел я свить венки...». Перевод Н. Гребнева	139
«Юнец, не будь труслив...». Перевод Н. Греб- нева	140
«Влюбленный поэт, в упоенье парящий...». Пе- ревод Л. Мальцева	141
«Всем и всюду угождая...». Перевод Л. Мальцева	142
«Мужчины далеко не безупречны...». Перевод Л. Мальцева	143
«Споря с женщиной...». Перевод Л. Мальцева	144
«Когда, чуть-чуть сердца тревожа...». Перевод Л. Мальцева	145
«Не все, что происходит с нами, — сладко...». Пе- ревод Н. Гребнева	147
«Однажды песню спел...». Перевод Н. Гребнева	148
«Порой мужей угрюмых ум...». Перевод Н. Греб- нева	149
«Создание мудреца — ума достойный плод...». Пе- ревод Н. Гребнева	150
«Не всем стремленьям сбыться...». Перевод Н. Гребнева	151
«Тоскливой песней...». Перевод Н. Гребнева	152
«Кинжал тем лучше, чем острее...». Перевод Н. Гребнева	153
«Игрок, поддавшийся азарту...». Перевод Н. Греб- нева	154
«Мудрец блуждать не станет...». Перевод Н. Греб- нева	155
«У каждого из нас свое предназначенье...». Пере- вод Н. Гребнева	156
«Восславим самый дельный...». Перевод Н. Греб- нева	157
«Учитель мой — Хафиз...». Перевод Н. Гребнева	158
«Оставь ханжам все...». Перевод Н. Гребнева	160
«Ханжи клеймят нас неизменно...». Перевод Н. Гребнева	161
«Уменье пить не всем дано...». Перевод Н. Греб- нева	162

«Два верных спутника...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	164
«Я склонен полагать...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	165
«Счастливейший из всех...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	166
«Пусть над землею гроыхает гром...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	167
«Несет вино всегда...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	168
«Пьют соловьи росу...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	170
«Когда зимой повсюду снег...». Перевод <i>Н. Греб- нева</i>	171
«— Мирза-Шафи, заладил ты одно...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	172
«Всею на свете свой черед...». Перевод <i>Н. Греб- нева</i>	173
«Лоз виноградных сок...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	174
«Мне каяться пора...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	175
«Блажен, кто счастьем наделен...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	176
«— Мирза-Шафи, писать да петь...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	177
«Едва Мирза-Шафи...». Перевод <i>А. Мальцева</i>	179
«Я говорил давным-давно...». Перевод <i>А. Мальцева</i>	180
«На землю грешный ангел...». Перевод <i>А. Маль- цева</i>	182
Вопрос и ответ. Перевод <i>А. Мальцева</i>	183
«Нет, я не потеряю честь...». Перевод <i>А. Мальцева</i>	185
«Мулла, взгляни-ка на вино...». Перевод <i>А. Маль- цева</i>	186
«Верны друзья, испытано вино...». Перевод <i>А. Мальцева</i>	187
«Среди цветов нам венчики укажут...». Перевод <i>А. Мальцева</i>	188
«Опять упрек бросают мне...». Перевод <i>А. Мальцева</i>	189
«Зная дар вина священный...». Перевод <i>А. Маль- цева</i>	190
Муджтахид поет. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	191
Мирза-Шафи поет. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	192
«Опять наш муджтахид...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	193
«Мирза-Юсуф начитанный пиит...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	194
«В Мирзе-Юсуфе недостатков нет...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	196
«Легко мне петь...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	197
«Кура у ног моих...» Перевод <i>Н. Гребнева</i>	198

«Я уходил...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	199
«Как много в небе звезд...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	200
«Идем к одной мы цели...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	201
«Восходит солнце из-за гор...». Перевод <i>Н. Греб- нева</i>	202
«Земля надела вешний свой наряд...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	203
«Постой, мой друг...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	204
«Когда ты предо мной...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	205
«Доколе будет у тебя...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	206
«За поцелуй моей любимой...». Перевод <i>Н. Греб- нева</i>	207
Мухаммас. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	208
«Откинь чадру назад...». Перевод <i>Н. Гребнева</i>	210
Тифлис. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	211
Шипы и розы. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	213
Тимур. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	214
Пустынный. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	216
Ибрагим сын Абдуллы. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	217
Наводнение. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	219
Дервиш. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	221

Мирза-Шафи Вазех
ЛИРИКА

Редактор *Т. Калякина*
Художественный редактор
Г. Кудрявцев

Технический редактор
Ж. Примак

Корректор *Г. Бейлинсон*

Сдано в набор 28/III 1966 г. Подписано
к печати 13/VIII 1966 г. Бумага типо-
графская № 1. Формат 70 × 108¹/₃₂.
7,25 печ. л. 8,46 усл. печ. л. 4,03 уч.-
изд. л. Тираж 34 000. Зак. 702. Цена
29 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Октябрь» Комитета
по печати при Совете Министров УССР,
Киев, Артема, 23-а.

